
Т. Г. ПАНИКАРОВСКАЯ

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЛЕКСИКОЙ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРОВ

В предлагаемой статье содержатся наблюдения над лексикой говоров трех деревень Велико-Устюгского района Вологодской области (Лодейка Нижне-Ерогодского сельсовета, Будрино Будринского сельсовета, расположенных соответственно на запад и северо-запад от Великого Устюга, а также деревни Пеганово Нижне-Шарденгского сельсовета, расположенной на юг от Великого Устюга).

Большую часть лексики упомянутых деревень (это же характерно и для других говоров русского языка) составляет лексика, известная и литературному языку, то есть лексика, имеющая общерусский характер, общенародное распространение.

Однако, наряду с такой лексикой, изучаемые говоры характеризуются и лексикой специфически диалектной.

Диалектные слова различны по происхождению. Одни из них «восходят, — замечает Ф. П. Филин, — к глубокой индоевропейской древности, другие ко времени общеславянской общности, третьи были общенародными в древнерусскую эпоху и эпоху Московской Руси, а теперь сохранились только в отдельных говорах, имеется также немало новообразований позднего времени. В диалектной лексике значительную прослойку составляют слова, заимствованные на разных этапах истории русского народа местным населением у иноязычных соседей, не получившие общерусского распространения или утратившие свой прежний общерусский характер» (Ф. П. Филин. Словарь русских народных говоров; вып. I; М.—Л., 1965; стр. 5—6).

Значительное место в диалектной лексике занимают общеславянские по происхождению и восточнославян-

ские слова, имевшие в прошлом, как можно предполагать, общенародное распространение, а в настоящее время сохранившиеся только в отдельных говорах. Эта архаическая лексика, как правило, зафиксированная памятниками древнерусской письменности, и является предметом рассмотрения в данной статье.

Для сопоставления анализируемых диалектных слов с лексикой древнерусского языка использовались «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (СПБ. 1893—1903; М., 1958), а также «Материалы для терминологического словаря древней России» Г. Е. Коцюна (Изд. АН СССР, 1937); сопоставление с лексикой других славянских языков производилось по соответствующим двуязычным словарям¹⁾; для этимологических целей привлекались материалы этимологических словарей А. Г. Преображенского и М. Фасмера²⁾; изучаемая лексика сравнивалась с лексикой других говоров русского языка по имеющимся областным словарям и исследованиям, содержащим лексический материал³⁾.

В составе диалектной лексики преобладают в наших говорах слова общеславянского происхождения. Таковы, например, следующие слова:

Бадо́г — «палка», «посох», «трость»: когда́ збадогом хожу́/ тон'э стрáшио (Лод.). В украинском языке *батіг* — «кнут», «плеть», «плетка» (Грин. 74—75; УРС, 1, 36), «рычаг в ступе для толчения пшена, на который надавливают ногой» (Грин., там же); в польском языке *bat*, *batog* — «бич», «кнут», «плеть» (ПРС, 26); в словенском: *Bat*⁴⁾ — «булава», «поршень», *Batina* — «дубина», «палка»; ср. в чешском: *batoh* — «заплечный мешок», «ранец» (ЧРС, 27); в сербо-хорватском: *бат* — «молот», «молоток», «язык колокола», *бат* — «топот», «стук, грохот»; *бата* — «палка», «мутовка», *батина* — «палка» (СХРС, 30). В языках древнерусском и старославянском *бато́гъ* — «палка», «бич» (Преобр., 19). По свидетельству И. И. Срезневского (1, 45), слово фиксируется письменными памятниками с XII в.

Баять — «говорить», «рассуждать»: онá хóдит/ исо-

¹⁾ По техническим причинам надстрочные знаки здесь и далее в примерах из словенского, сербо-хорватского и чешского языков не обозначены. В диалектном материале мягкость согласных, в том числе *ц*, перед подстрочным знаком не обозначается.

фс'ёми бáйэт (Лод., Буд.). В украинском языке: *баяти*— «рассказывать», «ворожить» (Грин., 77; УРС, 1, 38); в белорусском *баюн* — «охотник болтать», «сказочник» . (Нос., 18); в польском: *bajać* — «рассказывать сказки, небылицы», «говорить вздор» (ПРС, 23); в словенском: *bájati* — «рассказывать басни, сказки, баять»; «пророчить»; «ворожить» (СРС, 2); в сербо-хорватском: *бајати* — «колдовать, ворожить, заговаривать» (СХРС, 27); в болгарском: *бáя* — «колдовать, заговаривать, гадать, ворожить» (БРС, 29). В древнерусском языке: *баяти* — «рассказывать басни, выдумки» (Срезн., I, 46).

Братáн — «двоюродный брат». Слово отмечено с этим же значением памятниками древнерусской письменности XIII—XIV вв. (Срезн., I, 167). Ср. в украинском языке: *брата́н* — «племянник» (Грин., 135); в польском: *bratańcek* — «племянник» (ПРС, 40); в чешском: *bratranec* — «двоюродный брат» (ЧРС, 43); в словенском: *brátranec* — «двоюродный брат» (СРС, 9); в болгарском: *брàтан* — «братьик, братец»; *братáнац* — «племянник» (БРС, 49); в сербо-хорватском: *брátaneц* — «племянник» (СХРС, 55).

Вехóть — «тряпка для мытья пола». В украинском языке: *víхоть* — «мочалка, употребляемая при мытье посуды, утвари и пр.», «пучок соломы»; «горящий клок, уносимый ветром с пожара» (Грин., 284; УРС, 1, 276); в белорусском: *вéхоць* — «тряпка для вытирания посуды, стола и пр.», «мочалка» (Нос., 49—50); последнее значение у слова *вéхаць* отмечено и Белорусско-русским словарем под редакцией К. К. Крапивы (стр. 151); в чешском языке: *vechet* — «пучок (соломы и т. п.)», *vechet z lyuka* — «мочалка» (ЧРС, 751); в польском: *wiechec* — «мочалка», «тряпка», «затычка» (ПРС, 555); в болгарском: *вехтория* — «ветошь», «старая вещь», «древность», ср. *вехт* — «старый», «старинный, древний», «ветхий», «дряхлый», «изношенный» (БРС, 72). В древнерусском и старославянском языках *вехъть* — «клок соломы», «тряпка», «мочалка» (Преобр., I, 110; Срезн., I, 250). И. И. Срезневский свидетельствует об употреблении слова *вехть* в «Повести временных лет» (I, 250).

Вецёра — «вчера вечером»: она ум'эн'а в'эц'ора былá (Пег.). В древнерусском языке: *вечеръ-вечерь* — «вечер», «вечером» (Срезн., I, 250—251); *въчера-вчера* — «вчера» (Там же, 476). В украинском языке: *вéчір* — «вечер» (Грин., 185; УРС, 1, 128); в белорусском: *вчóра, учóра* —

«вчера» (Нос., 671, БРС, 976); в польском: wieczor — «вечер», «вечером» (ПРС, 651); в чешском: veser *) — «вечер», «вечером» (ЧРС, 751); в болгарском: вечер — «вечер», «вечернее собрание»; вечёра — «ужин» (БРС, 72); в сербо-хорватском: вечер — «вечер»; вечера — «ужин»; вечёрас, вечёраске — «сегодня вечером»; вечером — «вечером» (СХРС, 69).

Губы (только множественное число) — «съедобные грибы, пригодные для засолки»: ѫа с'эвбдни загубами влес ходйла (Буд.); погубы пойагоды ход'ат (Пег.). Известны и слова, производные от губы: губник — «пирог с грибами» (Лод.); губница — «суп из грибов» (Пег.). В украинском языке: губы (мн.) — «грибы» (Грин., 377; УРС, 1, 369); в белорусском: губа — «трут» (Нос., 123; БРС, 217). В древнерусском языке слово губа имело, по свидетельству И. И. Срезневского (1, 606), ряд значений, среди них и значение «гриб», отмеченное памятниками русской письменности XVI века. В чешском языке: houba — «гриб», «грибок», «плесень», «губка» (ЧРС, 154); в польском hubka — «трут» (ПРС, 140); в болгарском: гъба — «гриб»; «губка» (БРС, 133); в сербо-хорватском: губа — «проказа», «лишайник» (нарост на дереве, гриб); «трут» (СХРС, 111).

Жыто — «хлебные злаки, культуры»: жыто поло́ли/ ас'эц'ац ниц'эвб н'эпол'ут. В современных славянских языках: в белорусском: жыто (жыто) — «ржнь в колосе и в зерне» (Нос., 156; 269); в украинском: жыто — «ржнь», «засеянные рожью поля» (Грин., 528; УРС, 1, 500); в чешском: zito — «ржнь», «пшеница» — обл. (ЧРС, 829); в польском: zyto — «ржнь» (ПРС, 657); в сербо-хорватском: жыто — «зерновой хлеб»; «пшеница»; «кутья» (СХРС, 178); в болгарском: жыто — «зерновой хлеб»; «пшеница» (БРС, 201). В древнерусском языке слово жыто значило, по свидетельству Г. Е. Кочина (стр. 115), «зерновой хлеб», а также «ячмень», «ржнь» и даже «лен».

Иматься — «хвататься», «браться»: има́йс'a зам'эн'я (Лод.). В белорусском языке: има́цьца — «браться», «понимать» (Нос., 224); в украинском: i'mátiся — «ловиться», «держаться», «браться» (Грин., 734); в польском:

*) Чешские и словенские звуки ч, ш, ж, а также польский звук ж по техническим причинам обозначены соответственно буквами с, s, z, выделенными курсивом без надстрочных знаков.

jac *) — «хватать», «брать», «ловить», «начинать», «присутствовать» (ПРС, 151); в чешском *jmocti* — «захватить», «задержать»; «увлечь», «tronуть», *jmotiti se* — «начать что-либо», «взяться за что-либо» (ЧРС, 189); в болгарском: *éмвам* — «подхватывать», «брать», «начинать», *емвам се* — «браться»; «вызываться»; «обременять себя» (БРС, 192).

Клеть (*клить*) — «нежилая пристройка у дома, где хранят имущество, зерно». В белорусском языке: *клець* — «кладовая» (Нос., 238; БРС, 393); в украинском: *кліть* — «клетка» — обл. (Грин., 788; УРС, 11, 342), «камора» (Грин., 788), «кладовая» — обл., «шахтерская клеть» (УРС, 11, 342); в словенском: *klet* — «погреб» (СРС, 71); в сербо-хорватском: *клет* обл. — «каморка», «комнатка», «чулан», «клеть» (СХРС, 319). Памятникам русской письменности слово *клеть* — «комната», «спальня», «дом», «амбар», «постройка», «кладовая», «клетка» известно с XI века (Срезневский, I, 1227—1228; Кочин, 142).

Клюка — «железный прут, согнутый на конце, для перемешивания топлива в печи, кочерга»: гд'э *ут'эб'а* *кл'ука* л'эжыт? (Пег.). В украинском языке: *клюк* — «деревянный крюк, колышек, деревянный гвоздь, загибающий под прямым углом»; *клюка* — «палка с крючком», «крюк» (Грин., 790). Ср. в словенском: *kljúka* — «крюк», «щеколда», (СРС, 72); в чешском: *klika* — «рукоятка», «ручка» (дверная и пр.), «щеколда», «кривошип» (ЧРС, 203); в сербо-хорватском: *кльука* обл., *кука* — «крюк»; «застежка», «крючок»; «закорючка», «кирка» (СХРС, 331, 362). В древнерусском языке слово *клюка*, по данным И. И. Срезневского, значило — «хитрость», «обман» (I, 1230). Ср. в болгарском языке: *клюка* — «сплетня»; «склоки», «интрига» (БРС, 324). В значении «руль», «запор» и под. в древнерусском языке употреблялось слово *ключь*. (Срезн., I, 1233).

Кут — «часть избы, предназначенная для кухни, где помещается русская печь, полка для посуды и кухонной утвари». Эта часть избы обычно отделена от остальной избы занавеской: *воз'мй там фкутү* (Лод.). В белорус-

*) Носовые *o*, *e* по техническим причинам обозначены курсивными буквами *a*, *e* без подстрочных знаков.

ском языке *кут* — «угол» (в разных значениях — БРС, 409); в украинском — то же (УРС, 11, 421); в польском языке: *kat* — «угол» (ПРС, 167); в чешском: *kout* — «угол в помещении»; «угол», «пристанище, приют» (ЧРС, 223); в болгарском: *кът* — «угол»; «дом»; «рай» (БРС, 354); в сербо-хорватском: *кут* — «угол» (СХРС, 365). Древнерусское и старославянское *кутъ* — «угол» (Преобр., I, 422).

Лéтось — «прошлым летом», «летом прошлого года»: л'этос' фс'о стойáло в'одро (Лод.). В белорусском языке: *лéтась* — «прошлым летом», «в прошлом году» (БРС, 417, Нос., 274); в чешском: *letos* — «в нынешнем году» (ЧРС, 250); в словенском: *letos* — «нынешним годом» (СРС, 96); в польском: *latos* — «в этом году» (ПРС, 204); в сербо-хорватском: *летос*, *летоске* — «этим летом»; (СХРС, 376), в болгарском: *лéтос*, *лятос* — «прошлым летом» (БРС, 362—367). Древнерусское *легоси* — «в этом году» (Преобр., I, 490).

Обряжáться (*обрядйтъся*) — «управляться по хозяйству, приводить в порядок хозяйственые дела: убирать комнату, топить печь, кормить скот и т. д.»: ну/ кáжэц'ца обр'адилас' (Буд.). В древнерусском языке слово *обрядити* имело несколько значений, среди них «устроить», «привести в порядок» (Срезн., 11, 556). Близкие к этим значениям наблюдаются в современных славянских языках: в украинском: *обряжати* (*обрядити*) — «спаряжать» (спарадить), «устраивать» (устроить) (Грин., 1135); в польском: *obrzadzac* — «приводить в порядок», «устраивать» (ПРС, 288); в словенском: *objediti* — «распорядиться», «привести в порядок» (СРС, 156); в сербо-хорватском: *обрéдити* — «сделать (что-либо) по порядку» (СХРС, 506); в болгарском: *редя* — «расставлять», «раскладывать», «приводить в порядок», «строить в ряды» (воен.), «украшать», «наряжать» (БРС, 681).

Онóвда — «недавно», «на днях»: онóвда пр'этс'эдáт'эл' от скáзывал/ кон'ухом йэвó назнáчили (Лод.); оновда былá ин'т'эр'энсай картíна (Буд.). В белорусском языке: *оногдá*, *оногдáсь* — «недавно» (Нос., 363); в украинском: оногды — «недавно» (Грин., 1163); в польском: *opęgda* — «позавчера», «третьего дня»; *ongi* — «некогда», «когда-то», «в былое время» (ПРС, 1958, 402); в словенском: *onda(j)* — «тогда», *ondan* — «на днях» (СРС, 176); в чешском: *onehdy* — «на днях» (КРЧ и ЧРС, 365); в сербо-

хорватском: *онда* — «тогда»; «затем»; *ондан обл.* — «послезавтра» (СХРС, 541); в болгарском: *оновá* — «то» (БРС, 483). Древнерусскому языку была известна форма *оногды* — «недавно» (Срезн., 11, 672).

Пéстунья — «няня». Ср. в древнерусском языке *пестунъ* — «воспитатель», «руководитель» (Срезн., 11, 1789); в белорусском: *пéстоваць* — «нянчить»; *пестун* м. — «баловень», *пестуння* ж. (Нос., 542); в украинском: *пéстувати*, *пéстити* — «ласкать», *пестунка* — «нянька» (Грин., 257; УРС, 111, 338); в словенском: *pestovati* — «нянчить»; *pestunja* — «няня» (СРС, 194); в польском: *píastowaé* — «нянчить», «пестовать», «выхаживать»; *piaſtunka* — «кормилица», «няня» (ПРС, 332); в чешском: *pestovati*, *pestiti* — «воспитывать», *pestounka* — «воспитательница» (ЧРС, 428); в болгарском: *пестовница* — «хорошая, бережливая хозяйка» (БРС, 524).

Полýца — «деревянная полка»: *кл'учи* гд'это наполýц' э л'эжáт (Пег.). В белорусском: «полка», «отвал плуга» (Нос., 461; БРС, 600); в украинском — то же (Грин., 1392; УРС, IV, 88); в чешском: *police* — «полка», «стеллаж» (ЧРС, 463); в словенском: *polica* — «полка» (СРС, 211); в сербо-хорватском: *полица* — «полка» (СХРС, 642); в болгарском: *полýца* — «полка» (на стéне, в вагоне) — БРС, 588.

Прáсло — «кольцо из гибких веток, которым скрепляют две стороны изгороди на углу или которое надевается в качестве запора на ворота и столбы изгороди»: *прáслoto изломáлос'* / *нáдо нóвойэ з'déлат'*. (Пег.). В украинском языке прясло — «часть плетня между двумя кольями» (Грин., 1604); в польском: *przesło* — «звено» (моста, забора) — ПРС, 1931, стр. 531; в чешском: *práslo* *) — «пряслло»; в словенском: *preslo* — то же (Преобр., II, 145).

Чýять (дочýять) — «сlyшать»: ты ц'úлали ц'то йэвó п'эр'эв'элý вдругóйэ м'эсто? (Буд.); айá н'эдоц'ула (Лод. — «не досlyшала»). Ср. в сербо-хорватском языке: *чути* — «слышать», «усlyшать», «слушать»; *чýти сe* — «слышаться», «стать известным» (СХРС, 1071); в болгарском: *чýвам* — «слышать», «слушать» (БРС, 826); в словенском: *cuti* — «слышать»; «бодрствовать»; «соблю-

*) Чешский мягкий шипящий типа *rj*, *rsh* по техническим причинам обозначен буквой *r*, выделенной курсивом, без надстрочного знака.

дать законы»; «обращать внимание» (СРС, 19—20); в польском: *czuć* — «чувствовать», «ощущать», «испытывать» (ПРС, 1958; 80). Ср. *чутко* — безличное сказуемое «слышно»: говорили/ с'эвогоды откроют школу/ да ки ч'эвб и'эч'утко (Пег.). В белорусском языке: *чутна* и *чутно* — безличные сказуемые «слышно» (Нос., 703, БРС, 1015); в украинском: *чутко, чутно* — «слышно» (Грин., 2094; УРС, II, 462). Памятниками русской письменности прошлых эпох отмечен ряд значений слова *чути*, в том числе и значение «слушать». (Срезн., III, 1553).

От общеславянских корней образованы следующие диалектные слова:

Дáром — «все равно», «не имеет значения», «ничего»: *дáром/ йа постойú* (Лод.). В древнерусском языке, по свидетельству И. И. Срезневского, *даромъ* (I, 632) «в дар». Ср. в белорусском языке: *дармá* — «напрасно», «попусту», «зря», «даром», «бесплатно», «ничего», «пусты», «пускай», «ладно» (БРС, 235); в украинском: *дармá* — «напрасно», «бесполезно», «безвозмездно», «не имеет смысла», «ничего», «не имеет значения», «безразлично», «всё равно» (УРС, I, 381); *дáróм* — «даром», «безвозмездно», «напрасно», «попусту», «без пользы», (УРС, I, 382); в чешском языке: *darmo* — «напрасно», «тщетно»; устаревшее «даром» (ЧРС, 1959, 73); в польском: *da-gemnie* — «напрасно», «безуспешно», «попусту», «бесполезно», «тщетно», «даром», «бесплатно», *darsto* — «напрасно», «даром», «бесплатно» (ПРС, 1958; 84); в словенском — *dároma* — «даром», «безвозмездно» (СРС, 21); в сербо-хорватском: *дар* — «дар», «дарование», «одаренность», «талант», «подарок» (СХРС, 117); в болгарском: *даром* — «даром» (БРС, 72).

Дерюга — «небольшая поляна в лесу, прежде на этом месте был лес»: з'эмл'анику собирали над'эр'уг'э (Лод.). Ср. в белорусском языке: *дзёрци* «драть», «сечь» (Нос., 130); в чешском: *driti* — «драть», «обдирать», «сдирать» (ЧРС, 1959, 109); в словенском: *dreti* — «драть» (СРС, 30); в сербо-хорватском: *derati* — «рвать», «разрывать», «драть», «раздирать», (СХРС, 126); в болгарском: *де-ра* — «рвать», «разрывать», «царапать», «сдирать», «сечь», «бить», «изнашивать» (БРС, 150).

Дíвно — «много»: ун'эвó дíвно йáгот (Лод.). Ср. в белорусском языке: *дзíвно* — «чудно», «чудесно», «удивительно», «очень» (Нос., 130); в украинском: *дíвно* —

«удивительно», «странно» (Грин., 424); «изумительно», «поразительно», «замечательно», «чудно» (УРС, I, 402); в чешском: *divné* — «странно», «плохо» (ЧРС, 1959; стр. 86); в польском: *dziw* — «чудо», «чудище»; *dziwo* — «чудовище», «урод», «нечто невероятное» (ПРС, 1958; стр. 118); в сербо-хорватском: *điv* — «великан», «коллес», «исполн» (СХРС, 129); в болгарском: *дивен* — «дивный», «чудесный», «изумительный», «удивительный» (БРС, 155).

Дивъя — «хорошо», «легко»: *див'я́ т'эб'ё/ ут'эб'я* сын дадоц' / дак помога́йут (Лод.); *див'я́* уково коробато (Пег.). Слово *дивъя* в значении «хорошо» встречается, по данным И. И. Срезневского (I, 665), в «Молении Даниила Заточника» по списку XVI—XVII вв.

Есвя́ный (о человеке, животном) «обладающий хорошим аппетитом». В белорусском языке *естный* — «съестной», относящийся к пище» (Нос., 723); в украинском: *істівний-істовний* — «съедобный», «сытный», «питательный» (Грин., 735—736; УРС, II, 297); в словенском языке: *jestivo* — «яства», «пища», «корм», *jesca* — «пища» (СРС, 62); в польском: *jesc* — «есть», «кушать» (ПРС, 1958, 17); в чешском: *jédati, jidávati* «есть», «едать» (ЧРС, 1959, 186); в сербо-хорватском: *јести* — «есть», «разъедать» (СХРС, 309); в болгарском: *ям* — «есть», «выедать», «разъедать» (БРС, 89).

Жарави́ха — «клюква»: л'этос' яа брус'ници то да жаравихи много прин'эслá / дак нафс'у зыму хватило (Лод.). Неясно, связано ли это слово по происхождению с *жар* (ср. древнерусское *жаровый*, *жарявый* — «горящий», «раскаленный» (Срезн., I, 860); в чешском: *zаг* — «жара», «зной», «огонь» (ЧРС, 1959, 884); в польском: *zag* — «жар», «раскаленные угли», «жара» (ПРС, 1958, 802); в словенском: *zag* — «жар», «зарево»; *zariti* — «яркокрасный»; *zariti* — «раскалять», «зажигать», «освещать лучами» (СРС, 345); в сербо-хорватском: *жар, жёрава, жёравица* — «жар», «горящие угли»; *жáрити* — «гореть», «обжигать» (СХРС, 173); в болгарском: *жар* — «жара», «зной», «жар»; *жарáва* — «жар» (раскаленные угли), «жаровня»; *жарáвица* обл. — «горячие угольки» (БРС, 198), или с древнерусским *жаравь* (*жеравь*) — «журавль». Ср. в белорусском языке: *журавына* мн. ч. — «клюква» (Нос., 158, БРС, 268); *журавина* — «клювина» (БРС, 268); в украинском: *журавлына* — «клю-

ква» (Грин., 535; УРС, I, 505); в словенском: *zerjav* — «журавль» (СРС, 345); в сербо-хорватском: *жерав* — «журавль» (СХРС, 175). Можно предполагать, вероятно, и последнее, тем более, что в ряде вологодских говоров в значении «клюква» отмечено слово *журавлика* (тотемские, Белор., 282; вожегодские, великоустюгские), *журавика* (череповецкие, Герас., 38). Как в том случае, если слово *жаравиха* связано по происхождению с *жар*, так и в том, если оно связано этимологически со словом *журавль*, его корень является общеславянским.

Жоркий (о человеке или животном) — «обладающий хорошим аппетитом». Ср. в белорусском языке: *жéрливой* — «прожорливый» (Нос., 154); в украинском: *жеретíй* — «обжора», «ненасытный» (Грин., 522); в чешском: *zegpú* (прост) — «обладающий хорошим аппетитом, прожорливый» — о скоте (ЧРС, 1959, 887); в польском: *zarloczny* *) — «прожорливый», «алчный», «жадный» (ПРС, 1958, 802); в словенском: *pozrestní* — «обжорливый», «жадный»; *zegúh* — «обжора» (СРС, 223, 345).

Завóрье, завóрья — «большие ворота около дома, которые открывают, когда проезжает лошадь, запряженная в телегу; сделаны из горизонтальных вынимающихся жердей»: йэдут в'э't/ открывáй завóр'ято (Лод.). В древнерусском языке слово *зavora*, *zavorъ* значило «запор на дверях», «пряслы в изгороди, разбирающееся для проезда», «осадное орудие» (Преобр., I, 240; Кочин, 118). В украинском языке: *завóра* — «бревно для задвижки ворот»; *зáвóріння* — «ворота»; *завóрити* — «загородить» (Грин., 557). Ср. в чешском языке: *závora* — «запор», «засов», «задвижка», «скоба» (ЧРС, 1959, 843); в польском: *zawóra* — «засов», «запор», «замок» (ПРС, 1931, 819); *zawór* — техн. «вентиль», «клапан» (ПРС, 1958, 629); в сербо-хорватском: *závor* — «засов»; обл. «цепь» (служит тормозом у телеги); *zavóranь* — «цапфа»; «болт», «шкворень»; *завóрница* — «задвижка», «засов» (СХРС, 188); в словенском: *zavornica* — «тормоз» (СРС, 338).

Задвóрье — «огород», «приусадебный участок»: *унáс п'эсóк* назадвóрйито/ *дак ниц'эвó н'эрас'т'ót* (Пег.). Ср. в белорусском языке: *задвóрki* мн. ч. — «задворки» (БРС, 282); в украинском: *задворки, задворье* — то же (УРС, 11).

*) Звук *l* средний обозначен буквой *l*.

37); ср. в чешском языке: dvur—«двор» (ЧРС, 1959, 114); с тем же значением слово известно в польском: dwor (ПРС, 1958, 110), сербо-хорватском: *двор* (СХРС, 120), болгарском: *двор* (БРС, 143) языках.

Истоплē — «количество дров, необходимое для того, чтобы истопить печь один раз»: подí излáт' найстопл'о/ даиспí (Пег.). Ср. в польском языке: topic — «топить», «затоплять», «плавить» (ПРС, 1958, 633); в чешском: topiti — «топить», topivo — «топливо» (ЧРС, 1959, 700); в сербо-хорватском: *топити* — «топить», «растапливать»; «плавить»; *истопити* — «растопить»; «расплавить» (СХРС, 946, 294); в болгарском: *топя* — «топить», «плавить» (БРС, 764).

Обуток, обувка — «обувь». Ср. в украинском языке: обу́вя обув — «обувь» (Гриц., 1139; УРС 111, 72); в словенском: obútalo, obútel — «обувь» (СРС, 159—160); в польском: obuwie — то же (ПРС, 1958, 347); в чешском: obuv — то же (ЧРС, 366); в сербо-хорватском: *обуha** — то же (СХРС, 508); в болгарском: *обувка* — то же (БРС, 470).

Ономéдни — «дня два-три тому назад», «недавно». Ср. в чешском языке: опо — указательное местоимение, den — «день» (ЧРС, 1959, 80, 393); в польском: опо — «онó»; dzien — «день» (ПРС, 1958, 375, 116); в сербо-хорватском: *ономáдне, ономад* — «позавчера», «недавно» (СХРС, 541).

Памятливый — «понятливый», «умный»: како́й парнишка пám'атливой н'эр'эвл'ивой (Пег.). Ср. в древнерусском языке: *память* — «память», «понимание», «представление», «мысль» и т. д. (Срезн., 11, 871—873); в словенском: pámet — «память», «рассудок», «благоразумие», pametni — «умный», «рассудительный» (СРС, 189); в сербо-хорватском: *памет* — «ум», «разум»; *паметан* — «умный», «разумный», «понятливый», «толковый» (СХРС, 581); в болгарском: *пáмет* — «память»; *паметлив* — «памятливый», «имеющий хорошую память» (БРС, 516); в польском: *pamięć* — «память», *pamiętny* — «памятный» (ПРС, 1958, 393); в чешском: *pamet* — «память», «воспоминание»; *pametlivy* — «памятливый» (ЧРС, 1959, 414—415).

*) Слитный мягкий звук *t'ch'* обозначен буквой *h*.

Пóжня — «трава, растущая около домов»: фс'у пóжн'у скоси́ли (Лод.), «ровная часть луга» (Пег.). Ср. в белорусском языке: *пожня* — «сенокосный луг» (Нос., 452); в сербо-хорватском: *пожети* — «пожать», «сжать» (СХРС, 631); в болгарском: *жé(ъ)на* — «жать», жé(ъ)тва — «жатва» (БРС, 199, 202); в чешском: *zeti* — «жатва», «покос», «косьба», *zne* — мн. — «жатва»; *zpivo* — обл. «живи́е», «жатва», (ЧРС, 1959, 887, 890); в польском: *gas* — «жать», *gescie* — «жатва» (ПРС, 1958, 803).

Подвáнуть — «подсохнуть»: зáфтра бúди подв'áн'эт/дакпосл'эзáфтра загр'эпка посп'эйт (Пег.). Ср. в украинском: *вянути* — «вянуть» (Грин., 303); в сербо-хорватском: *венути* — «блекнуть», «увядать», «вянуть», « чахнуть» (СХРС, 66); в словенском: *venljivi* — «увядающий» (СРС, 321); в польском: *wiednac* — «вянуть», «увядать» (ПРС, 1958, 688).

Простóй — «свободный», «ничем не занятый»: скóл'ко нарóду ѹéd'эт и фс'э прóсты кáкто (Пег.). Слово *простый* имело в древнерусском языке ряд значений, среди них значение «свободный». (Срезн., II, 1582). Ср. в белорусском языке: *прóстый* — «простой», «прямой», «свободный». (Нос., 530, БРС, 736); *апрастáць* — «освободить» (БРС, 94); в украинском: *опróстáти* — «освободить», «избавить» (Грин., 1169); в словенском: *oprostiti* — «освободить» (СРС, 180); в сербо-хорватском: *опростиti* — «простить», «освободить», «избавить» (СХРС, 548); в чешском: *oprostiti* — «избавить», «освободить» (ЧРС, 1959, 398).

Пýшкать — «дышать», «тяжело дышать», «задыхаться»: другóй рас ѹél'э пýшкат (Буд.). В белорусском языке: *пýхаць* — «сильно дышать», «пыхтеть с напряжением», «пылать гневом» (Нос., 542); в украинском: *пýхкati* и *пихтiti* — «тяжело дышать, напрягаясь», «пыхтеть», «издавать звуки, выпуская газ, пар», « попыхивать» (УРС, III, 349); в сербо-хорватском языке: *pýhi-ti* — «надувать», «вытягивать», *puhkati* — «покуривать», «попыхивать», *púxhati* (*púxnuti*) — «дуть», «вонять» (СХРС, 782); в болгарском: *пъхтá* — «пыхтеть», «задыхаться», «тяжело дышать» (БРС, 650); в польском: *puszyc sie* — «надуваться», «прыжиться», «чваниться» (ПРС, 1958, 509); в чешском: *puchnouítí* — «пухнуть», «набухать», «смердеть», «вонять»; *pucha* — «высокомерие», «спесь», «гордость» (ЧРС, 1959, 556).

Ярёный — «сердитый». В украинском языке: *яріти* — «гневаться» (УРС, VI, 575); в словенском: *jari* — «злой», «ядовитый», «бешеный» (СРС, 60); в польском: *jagu* — «яровой», уст. «ярый», «бодрый», «крепкий» (ПРС, 1958, 174), в сербо-хорватском: *járiti се* — «приходить в ярость», «злиться» (СХРС, 303); в болгарском: разярявам — «разъярять», разярявам се — «разъяряться» (БРС, 677).

Среди архаических слов, присущих изучаемым говорам, отмечены и такие, которые, насколько нам удалось установить, известны в настоящее время не во всех трех группах славянских языков и, возможно, не являются общеславянскими по происхождению. Это слова, которые известны не только русскому языку или не только восточнославянской группе языков, но и некоторым другим славянским языкам.

Таковы, например, слова:

Дорόдно — «хорошо», «красиво»: *шýпко дорόдно/ мн'э так срóду н'эз'д'элат'* (Пег.). В древнерусском языке: *дородный, дородство* (Срезн., I, 708). В украинском языке: *дородний-дорідний* — «урожайный», «рослый», «крупный», «прирожденный», «врожденный» (Грин., 467, УРС, I, 445). Ср. в польском: *dorodny* — «дородный», «рослый» (ПРС, 1958, 87).

Заспа — «ячневая или овсяная крупа»: *намололи зásпы* (Буд.). Слово *заспа* в значении «крупа» находим в памятниках русской письменности XV—XVI веков (Срезн., I, 947, Кочин, 123). Изучаемым говорам известно и другое значение упомянутого слова: «мелкий град», «снежная крупа, выпадающая летом»: *зásпата ч'ут' с'т'óкла н'эвыбыла* (Лод.). Это значение является, несомненно, вторичным. Мелкий град называется в наших говорах (то же в новгородских и архангельских) *заспой* на основании внешнего сходства с крупою. В белорусском языке *зásпа* — «засыпка»: круп остался только на одну заспу (Нос., 185). Ср. в польском языке: *zaspa* — «сугроб», «песчаный нанос» (ПРС, 1958, 624).

Просúжая — «скромная», «толковая», «деловая»: *уйэйб такáя д'эвоц'ка просúжайа* (Буд.). В архангельских говорах отмечено слово *просúги* — «всякого рода домашняя и рукодельная работа». Отсюда *просúжой* — «искусный», «ловкий», «проводник в работе». (Подв., 142). В обследованных говорах слово *просуги* не зафик-

сировано. В древнерусском языке: *досугъ*, *просугъ* — «способность», «разумение» (Срезн., I, 717). *просугъ* — «возможность» (в «Домострое»), *просужный* — «получивший возможность» (?) — Срезн., II, 1587. В украинском языке: *досу́гий* — «престарелый» (Грин., 474); в белорусском: *досу́жы* — «проводник», «заботливый» (Фасмер, I, 532). Ср. в сербо-хорватском языке: *досег* — «досгаемость», *досегнуги* — «достать рукой», «добраться», «проникнуть в смысл» (СРСХ и СХР, 448).

Изучаемые говоры сохраняют ряд слов с восточнославянскими полногласными сочетаниями (на месте общеславянских дифтонгов *ор*, *ол*, *ел* между согласными) в корнях. Таковы слова: *блозе* — «хорошо», «благо»; *нын'э блоз'э* много смородины (Лод.).

Вóлок — «лес, окруженный деревнями, полянами, не-лесным пространством»: бáбыто зац'эр'ниц'эй ввóлок пошли (Пег.). В памятниках древнерусского языка слово *воловъ* значило «пространство между судоходными реками, через которые суда переволакивались» (Срезн., I, 291). Ср. в украинском языке: *вóлок* — «бредень», «веревка, с помощью которой тянут волами копны сена, бревна и пр.», «чурбан», «бревно» (Грин., 292, УРС, I, 288); «суша между двумя водными путями» (УРС, I, 288); в белорусском: *вóлок* — «рыболовная сеть, которую затягивают, волоча ее за собой» (Нос., 730); *вóлак* — «волок» в разных значениях (БРС, II, 155).

Долóнь — «площадка, на которой молотили зерно ручным способом». В древнерусском языке *долонь* — «ладонь». Это значение слово сохранило в белорусском (*далонь* — БРС, 230) и украинском (*доло́ня* — Грин., 459, УРС, I, 437) языках.

Оболокáть(ся), оболокти(ся) — «одевать(ся)», «одеть(ся)»: оболокáй йэвó (Лод.), кабы он н'эпйл/ фс'эх р'эб'áт оболóк (Пег.), нач'алá оболокáц'ца (Буд.), нáдо оболоктис' иб'эжáт' (Пег.). *Оболóч'ка* — «верхняя одежда». В памятниках древнерусской письменности отмечены глаголы: *оболочити* — «одеть», *оболочитися* — «одеться», «облачиться» (Срезн., II, 534). В обследованных говорах употребляются также глаголы *переболокáть(ся)*, *переболокти(ся)*, *разболокти(ся)*, *раз(o)болокáть(ся)*.

Оборонáть(ся), оборонити(ся) — «защищаться», «защититься». В древнерусском языке: *оборонити(ся)* ... «защитить(ся)» — Срезн., II, 535. Слово *оборонити(ся)*

отмечено, в частности, по данным И. И. Срезневского (там же), в Псковской первой летописи второй половины XV в. Ср. в белорусском языке: *оборонца* — «защитник» (Нос., 351, БРС, 21); в украинском: *оборона* — «защита», *оборонйти(ся)*, *обороняти(ся)* — «защитить(ся)», «защищать(ся)» — Грин., 1131, УРС, III, 50.

Огорód — «изгородь»: п'эр'эл'эс' цэ́р'эс огорбт (Пег.). Памятниками русской письменности XV—XVI вв. отмечено слово *огорода* — «изгородь», «забор» (Срезн., II, 606). Ср. в белорусском языке: *огорода* — «ограда», «защита» (Нсс., 358); в украинском: *огорода* — «ограда» (Грин., 1146), огорожа, редк. *огорода* — «изгородь» (из досок), «забор» (из камня, железа и т. п.), «ограда» (УРС, III, 88).

Сўморошны́й — «пасмурный», «сумрачный»: д'ні стойáли сўморошны́йэ/ так йа н'эходыла (Пег.). В древнерусском языке: *суморокъ* — «сумерки» (Срезн., II, 608).

В говоре отмечены слова с начальными сочетаниями *ро*, *ло* (на месте общеславянских *ор*, *ол* перед согласными).

Рóбить — «работать», «делать» (выробить, заробить, поробить). В древнерусском языке слово *робити* кроме значения «порабощать», «обращать в рабство» имело и значение «исполнять работу» (Срезн., III, 125). Ср. в белорусском языке: *робиць*, *зробиць*, *наробиць* — «делать», «работать» (Нос., 563); в украинском: *робити* — «делать», «работать», «поступать» (Грин., 1640), «совершать», «действовать», «творить», «учинять» (чинить), «поступать», «устраивать», «прибегать», «производить», «оказывать», «предпринимать» (УРС, V, 69). Ср. в польском: *robić* — «делать», «работать», «производить», «поступать», «действовать» (ПРС, 1931, 563); в болгарском: *работя* — «работать», «трудиться» (БРС, 651), в сербохорватском: *работка* — «тяжелый труд», «дело», «работа» (СРСХ и СХР, 627).

Лонíся — «в прошлом году»: лонíс'а онá прийэжжáла (Лод., Буд.), лонíс'а ѿагот много было (Пег.). Памятники письменности свидетельствуют о широком употреблении слова *лони* в языке XIV—XV вв. (Срезн. II, 46). Ср. в украинском языке *лони* — «в прошлом году» (Преобр., I, 468). Ср. в польском: *lonski* — «прошлогодний» (ПРС, 1931, 275); в чешском: *lonský* — «прошлогодний», *loni* — «в прошлом году» (КРЧ и ЧРС, 314); в

болгарском: *лáни* — «в прошлом году» (БРС, 357), в сербо-хорватском: *лане* — «в прошлом году», *ланьски* — «прошлогодний» (СРСХ и СХР, 551).

Среди архаических слов единичны в изучаемых говорах слова, известные только в русском диалектном языке. Таково, по-видимому, слово *льва* — «большая лужа», «озеро»: вои *львыто йэс'*/ *такшт'о гус'ам н'эжыт'* (Пег.). А. Г. Преображенский (I, 482) замечает, что упомянутое слово встречается только в русском диалектном языке. Этимологические сведения о слове *льва* находим у М. Фасмера (Этимологический словарь русского языка, II, Гейдельберг, 1955—1958, стр. 74). В значении «болото» слово *льва* отмечено памятниками русской письменности XIV—XV вв. (Срезн., II, 63), *львина* — «лес по болоту», XVI в. (Там же, III, Дополнения, 157).

Специфически русским (именно севернорусским) диалектным словом является и слово *рёлка* (мн. ч. *рёлки*) «мелль на реке в виде небольшого островка». В древнерусском языке (в памятниках новгородской письменности): *ръль*, *рель* — «заливная луговина», «пожня», *рълька* — «отмель»; слово зафиксировано с XII века (Срезн., III, 216), Ср. *рель*, *ръль*, *рень*, *риль* — «угодье», «отмель», «заливаемая часть речной долины» (Кочин, 300).

Отмечая слово *рёлка* в значении «возвышение место», «пригорок», «холмик» в современных печорских говорах, Л. А. Ивашко пишет, что это слово является диалектизмом севернорусского происхождения. (Лексика печорских говоров. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Л., 1956, стр. 38).

Многие архаические слова сохраняют в изучаемых говорах те же значения, какие они имели в древнерусском языке. Таковы, например, кроме упомянутых выше слов: *бадóг*, *братáн*, *гýбы*, *дивъя*, *клить*, *бóновда*, *простóй*, *рóbить*, *чýять*, слова:

Вýшка — «чердак»: фс'у р'абýну навýшку стаскали (Лод.), л'этом спáт' можно навýшк'э (Буд.). Слово *вышька* в значении, близком к упомянутому, зафиксировано, по свидетельству И. И. Срезневского (I, 458), в Новгородской второй летописи (по списку XVI—XVII вв.).

Гóлб'ец (*гóуб'ец'*) — «подвал, подполье для хранения овощей»: мы пришли кн'эй аонá вгóпц'э сидйт/ картóшку

разбирáйт (Пег.). С разными значениями это слово известно многим вологодским говорам. В говорах Вологодского и Тарногского районов *гóуб'ец* (*гóпцы*—мн. ч.)— «подполье», в говорах Кубено-Озерского района *гóуб'ец* (ц'), Череповецкого — *гóлбец* (Герас., 33), Нюксенского районов *гóуб'эц* — «ход в подполье», «западня», в говорах Вожегодского района *гóуб'эц* — «лежанка у печки» (Диалектолог. сб., II, 87), в говорах Чебсарского района (дер. Потеряево) *гóлб'ец* — «полати». С этим значением слово *гóб'эц* отмечено в нюксенских говорах; в говорах тотемских, по данным Белоруссова (с. 281), слово *гóвбэц* имеет два значения: «род чулана в избе между печью и полатями», «деревянный помост над этим чуланом». Упомянутое слово является, по свидетельству В. И. Даля (I, 366), принадлежностью северных, восточных и сибирских говоров. А. Подвысоцкий так определяет значение слова *голбэц* в архангельских говорах: деревянная вроде полатей приделка к печи, под которой устраивается ход в подполье (с. 32). В этом значении слово наблюдается в вятских говорах (Васн., 50). В «Опыте областного великорусского словаря» указывается, что, кроме архангельских говоров, слово *голбец* с упомянутым значением зафиксировано в костромских и тверских говорах (с. 38). Сибирским говорам слово *голбец* известно в значении «подполье» (Зоб., 490). В древнерусском языке слово *голбецъ*, по-видимому, значило «погреб» (Кочин, 65). Слово засвидетельствовано памятниками письменности XIV—XV вв. (Срезн., I, 541).

Доспéться — «произойти», «случиться», «совершиться: шт'о это досп'элос?» (Лод.). Слово *доспетися* значило в древнерусском языке «становиться», «совершиться». В значении «совершиться» слово зафиксировано памятниками XVI века (Срезн., I, 711).

Изнуrýться — «разориться», «истратиться»: *сíэз'дila/ ниц'эвбон'эизнурилас'*/ доц' д'эн'окто надорогу далá (Пег.). В древнерусском языке *изнурити* — «истратить», «издержать». Слово зафиксировано памятниками русской письменности с XI века (Срезн... I, 1072).

Пóлый — «открытый», «растворенный настежь». С этим же значением упомянутое слово было известно древнерусскому языку (Срезн., II, 1148).

Рáльник — «лемех плуга». Слово *ральник* — «сошник» — зафиксировано, по свидетельству И. И. Срезневского

(III, Дополнения, 238), в памятниках XVI века. Слово образовано от древнерусского *рало* — «плуг», «соха», известного с XI века (Срезн., III, 65).

Синник — «холодная постройка для домашних животных»: *си́н'икот на́до почин'ат'* (Буд.). В памятниках русской письменности XV—XVI веков отмечено слово *сеньникъ* — «сарай» (Срезн., III, 898), «кладовая, передко в составе жилого дома» (Кочин, 320).

Стая — «хозяйственная пристройка к дому, в которой живут домашние животные», «хлев»: *загналá йа корóву то фстáйу/ даипоб'эжáла ксыну*. Памятники русской письменности свидетельствуют о том, что слово *стая* имело ряд значений, в том числе «хлев», «стойло» (Срезн., III, 509).

Некоторые архаические слова, сохранившись в изучаемых говорах, в процессе развития их словаря изменили свое значение. Это изменение сводилось чаще всего к сужению значений, реже — к расширению значения по сравнению с древнерусским языком. Этот процесс отмечен исследователями и в других русских говорах (см., например, Л. А. Ивашко, упом. раб., стр. 144).

Примеры сужения значений слов по сравнению с древнерусским языком.

Слово *задворье* в русском языке прошлых эпох значило «место, находящееся позади двора» (Срезн., III, Дополнения, 110). В ряде говоров это значение сохраняется. Так, например, в вятских говорах *заоворка* — место, примыкающее с задов к одворице» (Васн., 78), *заодворок* — «место за одворицами» (Там же, 79); в ярославских говорах *задворки* — «место за двором» (Мельн., 69). В «Словаре современного русского литературного языка» (IV, М.-Л., 1955, стр. 402) слово *задворье* — «задняя часть двора», «скотный двор», «место за деревенскими дворами, позади изб» приводится с пометой «просторечное». В обследованных говорах слово *задворье* имеет более узкое значение: «огород», «приусадебный участок, находящийся позади дома, двора». Это же значение отмечено в псковских и тверских говорах: *зáдворье* и *задвóре-задворок* — «часть огорода, ближайшая ко двору» (Доп., 55). В архангельских говорах повсеместно *задвóре* — «двор» (Подв., 49); в сибирских (сургутских, курганских, тюменских — Зоб., 493) — «закрытое помещение сзади дома для птицы»; в псковских,

владимирских и пермских — *задворье*, по свидетельству В. И. Даля (I, 572—573), «задний скотный двор», «хлева под общим навесом», «зады дворов», «места за дворами, где гумна»; в сибирских — «навес», пригороженный на задах для скота».

Латка — «глиняная продолговатая с низкими краями посудина, в которой жарят мясо, картофель и т. д.». Слово наблюдается в ряде вологодских говоров: в вожегодских говорах *латка* — «посудина для теста на пироги» (Диалектол. сб., II, 88), в белозерских (Був., 287) и тарногских — «глиняная посудина для варки пищи», в нижнекамских — «кушанье из картофеля с жиром». Слово известно также устюженским (Диалектол., сб., II, 25) и череповецким (б. Уломский р-н) говорам. Со значением «глиняная продолговатая посудина» слово употребляется в архангельских (Подв., 81), олонецких (Кулик., 48), новгородских, сибирских (Опыт, 100), ярославских (Мельн., 102) говорах. В вятских говорах слово *латка* зафиксировано со значением «плошка для освещения» (Васн., 121). Памятники русской письменности свидетельствуют о том, что слово *латъка-ладъка* значило в XIV—XVI вв. «горшок», «горнец» (Срезн., II, 12, Кочин, 169). В некоторых вожегодских говорах (например, в говоре деревни Лукьяновская) слово *латка* имеет значение, близкое к древнему, а именно «глиняная кринка».

Слово *пожня* (*пажьня*) в древнерусском языке, по данным И. И. Срезневского (II, 1083—1084), «нива», «пастья», «луг», «покос». Эти значения фиксируются памятниками древнерусской письменности XII—XIII вв. Древнее или близкое к нему значение сохраняют многие русские говоры, в том числе архангельские (в архангельских говорах зафиксировано также значение: «засеянное хлебом поле» — Подв., 128), печорские («сенокосная земля», «луг» — Ивашко, 63), осташковские («сухой луг» — Копор., 128), смоленские («луга», «высокие луга» — Добр., 639). По данным «Опыта областного великорусского словаря» (стр. 166), слово *пожня* во владимирских, костромских, новгородских и пермских говорах значит «сенокос», в тверских — «сенокос близ болота на низком месте», в архангельских — «место, засеянное хлебом». В. И. Даль указывает, что упомянутое слово в значении «покос», «сенокос», «травяное место», «луг» распространено в северных и восточных говорах (III, 223).

В ярославских говорах *пожня* — «место с лесом и лугами», «пустошь», «сенокосная земля» (Мельн., 153), в пермских — «луг», «место, предназначенное для сенокоса» (Бел., 97). В обследованных говорах слово *пожня*, как уже отмечалось (стр. 130), употребляется в более узком значении: «трава, растущая около домов» (Лод.) «ровная часть луга» (Пег.).

Прясле — «кольцо из веток, которым скрепляют две стороны изгороди на углу или которое надевается в качестве запора на столбы изгороди или ворота». В памятниках русской письменности *прясле* — «звено изгороди», «часть стены» (Срезн., II, 1719—1720). Старинное значение слова сохраняется в вятских (Васн., 265), сибирских (Патк., 507), ярославских (Мельн., 169), оstashковских (Копор., 113) говорах. В значении «укрепленные между двумя столбами жерди, на которые развешивают снопы для просушивания», слово *прясле* (*прясла*) употребляется повсеместно в архангельских (Подв., 142, Опыт, 183) и печорских (Ивашко, 58—59) говорах. Л. А. Ивашко (цитированная работа, стр. 58—59) отмечает, что слово *прясла*, происходящее из общеславянского источника, приобретает в печорских говорах более узкое, более конкретное значение. В значении «изгородь возле хаты» отмечено слово *прясла* в смоленских говорах (Добр., 745).

Значения ряда диалектных слов, наоборот, шире, чем в древнерусском языке, то есть в процессе развития в говорах произошло расширение значений. Приведем примеры.

Баять — «говорить», «рассуждать». Упомянутое значение слово *баять* имеет во многих вологодских говорах, в том числе в говорах череповецких (Герас., 22), нюксенских, устюженских (Диалектол., сб., II, 26), вожегодских, усть-алексеевских. В значении «говорить», «рассказывать» слово *баять* известно вятским (Васн., 10), олонецким (Кулик., 3), печорским (Ивашко, 116—117), костромским, пермским (Опыт, 6—7), сибирским (Опыт, 6—7, Патк., 487), ярославским (Опыт, 6—7, Мельн., 30), псковским (Опыт, 6—7), тверским (Опыт, 6—7, Копор., 93), смоленским (Опыт, 6—7, Добр., 20), орловским, пензенским, рязанским (Опыт, 6—7) говорам. По свидетельству В. И. Даля (I, 39), форма *баять* распространена на юг от Москвы, *баять*, *байкать*, *баивать* — на се-

вер, восток и запад. В древнерусском языке слово *баяти* имело более узкое значение: «рассказывать басни, выдумки». Слово зафиксировано памятниками древнерусской письменности с XIII века (Срезн., I, 46).

Долонь: 1) «ладонь», 2) «ровная площадка для обмолачивания зерна ручным способом». В древнерусском языке слово значило «ладонь» (Срезн., I, 695, Преобр., I, 185). Это значение сохраняют архангельские (Подв., 38) и олонецкие (Кулик., 19) говоры. Значение «ровная площадка для обмолачивания зерна ручным способом», несомненно, вторично и является результатом метафорического переосмысления. Это значение у слова *долонь* отмечено в тотемских (Белорус., 281), нюксенских, вожегодских (Диалектол. сб., II, 87), чарозерских (Там же, I, 76) говорах из числа вологодских, а также в сибирских говорах (Патк., 491).

Полыца — «деревянная полка». В этом значении слово известно тотемским (Белорус., 286), велико-устюгским, вожегодским, кич-городецким говорам из числа вологодских, а также архангельским (Опыт, 167, Подв., 129), олонецким, где кроме значения «полка», слово *полыца* значит «замок», «вязальная доска при вязании сетей» (Кулик., 87), вятским (Васн., 230), костромским, нижегородским, смоленским, рязанским и тамбовским говорам. (Опыт, 167). В ярославских говорах отмечены следующие значения слова *полыца*: «полка у овина», «полка, прибитая ниже полавошника», «верхняя часть кухонного шкафа» (Мельн., 155). В. Н. Добровольский отметил в смоленских говорах слово *палица* в значении «довольно толстая доска, один конец которой прикреплен к стене, а другой — кладется на столб возле печки» (стр. 573).

В древнерусском языке слово *полыца* употреблялось, по свидетельству И. И. Срезневского (III, Дополнения, 219), в более узком значении: «полка для установления жернова» (а не полка вообще), «лист железа». Именно это значение слово сохраняет, по наблюдениям В. И. Даля (III, 255), в сибирских говорах.

В ряде случаев наблюдалась изменения значений, не сводимые к их сужению или расширению. Например, иное по сравнению с древнерусским языком значение наблюдается в наших говорах в слове *кóпоть*: «пыль»: *кóпот'ту н'эподнимáй* (Пег.). С этим значением слово из-

вестно архангельским (Подв., 70), вятским, олонецким, иркутским, пермским и томским говорам (Опыт, 89). В тобольских говорах упомянутое слово значит «пыль», «мелкий снег» (Патк., 496). В. И. Даль отмечает, что слова *копоть* — «пыль» (всякого рода), *копотить* — «пылить» — являются принадлежностью восточных говоров русского языка (II, 159). В древнерусском языке слово *копъть*, по свидетельству И. И. Срезневского, значило «дым» (I, 1282).

Среди анализируемых слов решительно преобладают имена существительные и глаголы, что сбъясняется их общим количественным превосходством над другими частями речи, отмечены также прилагательные и наречия. Среди существительных основное место по семантическому признаку занимают две большие группы: 1. Лексика, связанная с крестьянским бытом и сельским хозяйством, 2. Слова, связанные с природой.

Архаическая лексика, зафиксированная на территории Велико-Устюгского района, является типичной для говоров Вологодской области в целом. Таковы, например, слова *гольбец* (о его распространенности на территории Вологодской области уже говорилось, см. стр. 135), *заворье* (слово наблюдается в нюксенских, белозерских — Був., 285, череповецких — Герас., 40, пришексинских — Диалектол. сб., II, 41, вожегодских — там же, 85 говорах); *лонися* (слово отмечено в вожегодских — Диалектол. сб., I, 13, 11, 76, 95, междуреченских — там же, I, 58, кирилловских — I, 67, 84, белозерских — Був., череповецких — Герас., 52, нюксенских говорах); *оболочка*, (раз) *оболокать(ся)*. Слова известны чарозерским — Диалектол. сб., I, 73, устюженским — там же, II, 40, пришексинским — II, 43, междуреченским — II, 55, вожегодским — II, 83, белозерским — Був., 287, кубено-озерским, нюксенским, чебарским, череповецким, кирилловским говорам; *чуть* (слово наблюдается в верховажских — Диалектол. сб., I, 21, нюксенских, тотемских, — Пот., 23, белозерских — Був., 323, сямженских, череповецких, нюксенских говорах. Широко употребительны (преимущественно в речи старшего поколения), по нашим наблюдениям, в вологодских говорах также слова: *батог*, *вехоть*, *волок*, *вышка*, *губы*, *долонь*, *жаравиха*, *заспа*, *клеть*, *кут*, *лётось*, *лыва*, *оборониться*, *онбвда*, *робить* и др.

Архаическая лексика вологодских говоров во многом совпадает с соответствующей лексикой других северо-русских говоров и прежде всего говоров архангельских, олонецких, вятских, ярославских, печорских и уральских. Приведем примеры.

Слово *братан* — «двоюродный брат» — употребляется повсеместно также в архангельских (Опыт, 14, Подв., 10) и олонецких, где может значить и «родной брат» (Кулик., 6), говорах. По данным «Опыта областного великорусского словаря», слово *братан* в значении «двоюродный брат» отмечено, кроме архангельских и олонецких говоров, в говорах вологодских, вятских, пермских, сибирских. В значении «брать» — в говорах архангельских и костромских (стр. 14). Упомянутое слово в говорах Среднего Урала известно в значении: «двоюродный брат», «брать», «старший брат» (Урал., 55), «троюродный брат» (Фед., 86); слово *братан* находим также в смоленских говорах в значении «большой», «крупный», о людях и животных (Добр., 38).

Слово *заспа* в значении «всякого рода крупа», «мелкий снежный град» известно архангельским (Подв., 54) и вятским (Васи., 82) говорам. В значении «ячменная или овсяная крупа» слово отмечено в олонецких, отсюда *заспеница* — «жидко сваренная в воде ячневая крупа» (Кулик., 28), и ярославских (Мельн., 75) говорах, в значении «всякая крупа» слово употребляется в печорских (Ивашко, III, 112) говорах, а также в говорах Среднего Урала (Урал, 187). По данным «Опыта областного великорусского словаря», слово *заспа* в значении «овсяная крупа» известно вологодским и архангельским говорам, в значении «крупа, всыпанная в щи или похлебку» — олонецким, в значении «град» — архангельским, в значении «метель», «сухой снег», «снежная крупа» — новгородским, в значении «молодые сосновые шишки» — вятским говорам (стр. 66). На эти же значения упомянутого слова в северных говорах указывает и В. И. Даль (I, 644). В значении «крупа» слово *заспа* зафиксировано в ряде вологодских говоров, в том числе в говорах череповецких (Герас., 41), тотемских (Потк., 227), кич.-городецких, нюксенских.

Лы́ва — «большая лужа», «болото». А. Подвысоцкий отмечает следующие значения этого слова в архангельских говорах: «лужа», «болото», «мокрая местность»,

«густой лес на болотистой местности», «куча наносной поросли в море» (с. 84). В «Опыте областного великорусского словаря» указывается, что слово *лыва* в значении «лужа» известно архангельским, вятским, оренбургским и пермским говорам, в значении «разлив воды весной» — олонецким говорам, где употребляется и форма *лывина* (стр. 106). В. И. Даль отмечает, что слова *лыва*, *лывина*, *лывка* являются северными (II, 275).

Типично северорусскими, кроме упомянутых выше слов, являются, по данным областных словарей, следующие слова: *вблок*, *дывно*, *долбнь*, *доспеться*, *есвáный*, *жаравíха*, *завóрье*, *клюка*, *лонйся*, *оболокáться*, *оболóчка*, *сýморок* и др.

Небольшая часть анализируемых архаических слов известна также говорам южнорусского наречия и среднерусским говорам. Приведем примеры таких слов.

Баять (о распространении этого слова уже говорилось, см. стр. 138—139).

Кут. В значении «часть избы напротив печи, предназначенная для кухни», слово отмечено в печенских (Ивашко, 34), а также в сибирских (Зоб., 498) говорах. Слово *кут* (и образованные от него) зафиксировано во многих гологоодских говорах, например, в чарозерских (*кут* — «прихожая в избе», «угол» — Диалектол. сб., I, 37, *кутн'ой*, *кутный*, *кутний игол* — «угол между русской печью и окном» — Там же, 75), междуреченских (*кут* — «угол», «кухня», «спальня» — Там же, II, 56), вожегодских (*кут*, *кут'* — «задний угол» — Там же, 86, *кутной угол* — «задний угол»), нюксенских (*кут* — «кухня»), чеповецких (*кут* — «задний темный угол в избе» — Герас., 48), устюженских (*кутнёё окошко* — «окно напротив русской печи», — Белорус., 283). В архангельских говорах зафиксированы следующие значения слова *кут*: «угол», «передняя часть печи, прикрываемая занавескою», «мережа», «вершина, оконечность залива» (Подв., 79), в ярославских — «задний угол», «часть избы у входных дверей», «место за печью в заднем углу от дверей», «пространство между устьем печи и стеной» (Мельн., 101). По свидетельству В. И. Даля, слово *кут* (*куть*, *кутник*) — «угол в крестьянской избе» — распространено во владимирских, ярославских, костромских, вятских, нижегородских, тверских, псковских, а также рязанских, тульских и пензенских говорах, в значении «кухня» — в гово-

рах вологодских, архангельских, пермских, сибирских, саратовских, воронежских, курских и калужских (II, 227).

Пестовать—«нянчить». *Пестунья*—«нянька». Из числа вологодских говоров эти слова отмечены, в частности, в говорах тотемских (Пот., 230) и череповецких (Герас., 66). Упомянутые слова известны архангельским (Подв., 144), олонецким (Кулик., 97) и ярославским (Мельн., 145) говорам. В вятских говорах, по свидетельству Васнецова, бытуют слова *пестовать*—«нянчить», «воспитывать», *пестун*—«медведь, который ходит с медвежатами» (стр. 267). В «Опыте областного великорусского словаря» находим *пестаться*—«нянчиться» (вологодское), *пестунья*—«нянька» (новгородское, пермское), *пестунья*—«нянька» (вятское), в «Дополнениях к Опыту областного великорусского словаря»—*пестун*: 1) «тот, за кем ухаживают, кого пестуют», 2) «медвежонок» (сибирское), 3) «толстый балованный мальчик» (псковское, тверское), *пестуха*—«женщина, любящая нянчить детей», 4) «дитя, девочка, которую пестуют» (псковское, тверское) — стр. 223. В. И. Даль свидетельствует, что слова *пестун*, *пестунья* являются принадлежностью северных и восточных говоров (III, 549—550). Слово *пестун* отмечено также в смоленских говорах в значениях «баловень-ребенок», «медведь-подросток, по народному преданию исполняющий обязанности няньки у медвежат» (Добр., 761).

Чуять (о распространении этого слова на территории Вологодской области уже говорилось (стр. 140). Слово *чуять*, *чуть* в значении «слышать» употребляется в архангельских (Опыт, 260, Подв., 190), олонецких (Кулик., 134), вятских (Васн., 347), печорских (Ивашко, 133), пермских (Опыт., 260), смоленских (Опыт, 260, Добр., 992—993), воронежских (Опыт., 260) говорах. В ярославских говорах *чуть*—«слышно» (Мельн., 216). В говорах отмечены и иные значения упомянутого слова. Так, например, в ярославских говорах *чуять*—«чувствовать» (Мельн., 216), в вятских—«чувствовать обонянием» (Васн., 347), в архангельских *чуть*—«обонять», в псковских—«понимать» (Опыт, 260). В. И. Даль свидетельствует, что слово *чуять*, *чуть* употребительно не только в северных, но и в западных и южных говорах (IV, 616).

Из числа анализируемых архаических слов, кроме упомянутых выше, в южнорусских и среднерусских гово-

рах, по данным областных словарей, отмечены также: *бато́г, жи́то, задвóрье, рóбить* и др.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. Изв. ОРЯС Ак. Наук, СПб, 1870. Белорусско-русский словарь под ред. К. К. Крапивы; М., 1962; Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, Киев, 1925; Украинско-русский словарь под ред. И. Н. Кириченко, изд. Ак. Наук УССР, Киев, I—VI, 1953—63; Польско-русский словарь, М., 1931; Польско-русский словарь, М., 1949; М., 1958; Русско-польский и польско-русский словарь, М., 1960; Чешско-русский словарь. Сост. А. И. Павлович; М., 1962; Чешско-русский словарь, М., 1959; Карманный русско-чешский и чешско-русский словарь, Прага, 1960; Болгарско-русский словарь. Сост. С. Б. Бернштейн, М., 1953; Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957; Словарь русско-сербско-хорватский и сербо-хорватско-русский. Белград, 1962; Словинско-русский словарь. Сост. М. Хостник, Горица, 1901.

2) А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, М., 1910—1914, М., 1958. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, I, М., 1964. М. V a s m e r. Russische etimologisches Wörterbuch 1—111, Heidelberg, 1953—1958.

3) Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым Отделением Императорской Академии Наук, СПб, 1852; Н. Я. Данилевский. Дополнения к Опыту областного великорусского словаря, СПб, 1859; В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV, СПб, 1880—1882, М., 1955; А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия, СПб, 1885; Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия, СПб, 1898; Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного словаря вятского говора, Вятка, 1908; В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь, Смоленск, 1914; Ярославский областной словарь, Ярославль, 1962; Словарь русских говоров среднего Урала, Свердловск, 1964; Н. Белоруссов. Об особенностях в языке жителей Вологодской губернии, РГБ, т. XVIII, № 4, 1887; М. К. Герасимов. Словарь уездного Череповецкого говора, Изв. ОРЯС, т. 87, № 3, СПб, 1910; Г. Потанин. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы, «Живая старина», вып. II, СПб, 1899; Диалектологический сборник под ред. А. С. Ягодинского, вып. I—II, Вологда, 1941, 1942; Список тобольских слов и выражений, записанных Паткановым и Зобниным в Тобольском и Тюменском уездах, «Живая старина», вып. IV, СПб, 1899; В. Е. Агранов. Наблюдения над лексикой говоров Шольского района Вологодской области, Ученые записки Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена, т. 169, Л., 1959; С. А. Копорский. Архангельские говоры Осташковского района Калининской области, Ученые записки Калининского педагогического института, т. X, вып. 3, Калинин, 1945; М. Н. Бувальцева. Говоры Белозерского района Вологодской области в современном состоянии и истории, диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, М., 1955, Приложение; Л. А. Ивашко. Лексика печорских говоров, диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Л., 1956; О. П. Беляева. Местная лексика, свя-

занная с обозначением земельных участков, Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания, Труды IV зональной конференции кафедр русского языка вузов Урала, вып. I, Пермь, 1964; К. А. Федорова. Термины родства в говорах Северного Урала, там же.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

а) Деревни:

Буд. — Будрино, *Лод.* — Лодейка, *Пег.* — Пеганово.

б) Словари и исследования, содержащие лексический материал:

Нос. — И. И. Носович (полное наименование источника здесь и ниже см. в примечаниях) на стр. 144); *БРС* — Белорусско-русский словарь; Болгарско-русский словарь; *Грин.* — Б. Д. Гринченко; *УРС* — Украинско-русский словарь; *ПРС* — Польско-русский словарь; *РП* и *ПР* — Русско-польский и польско-русский словарь; *ЧРС* — Чешско-русский словарь; *КРЧ* и *ЧРС* — Карманский русско-чешский и чешско-русский словарь; *СХРС* — Сербо-хорватско-русский словарь; *СРСХ* и *СХР* — Словарь русско-сербо-хорватский и сербо-хорватско-русский; *СРС* — Словинско-русский словарь;

Срезн. — И. И. Срезневский; *Преобр.* — А. Г. Преображенский; *Опыт* — Опыт областного великорусского словаря; *Доп.* — Н. Я. Данилевский. Дополнения к Опыту...; *Кулик.* — Г. Куликовский; *Подв.* — А. Подвысоцкий; *Васн.* — Н. М. Васнецов; *Мельн.* — Г. Г. Мельниченко; *Урал.* — Словарь русских говоров среднего Урала; *Добр.* — В. Н. Добровольский; *Герас.* — М. К. Герасимов; *Зоб.* или *Патк.* — Список тобольских слов и выражений, записанных Паткановым и Зобним; *Пот.* — Г. Потанин; *Белор.* — Н. Белоруссов; *Був.* — М. Н. Бувальцева; *Диалектол. сб.* — Диалектологический сборник; *Копор.* — С. А. Копорский; *Бел.* — О. П. Беляева; *Фед.* — К. А. Федорова.
